

Леннон Джон
Йоко Оно.

1/1 1987 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

1 ЯНВ 1987

Я

ШЕЛ по следам убийцы. Они начинались на нью-йоркской Шестидесят третьей стрит, у общежития молодых христиан, где всегда роняла стайка длинноногих спортивных вида юнцов. Господь, видать, поощряет бег трусцой.

Двадцатипятилетнему увальню, выскользнувшему из общежития 8 декабря 1980 года, было не до господ. Он торопился свершить великую миссию своей жизни.

Мне чудится, я не отпускаю его ни на шаг. Миновав груды мусора в черных пластиковых мешках, толстак сворачивает налево, на Централ-парк вост, улицу маленьких аптек и богатых апартаментов, уставившихся окнами в свежесть этого самого парка. Маячит напряженная спина, оттопырились карманы куртки.

Зачем мне дано знать, что в них? В одном — томик Сэлинджера. В другом — револьвер марки «Чартер армз» 0.38 калибра.

На перекрестке с Семьдесят второй стрит куртка замедляет свое неумолимое движение к цели и тонет в толпе зевак. Потому что цель — вот она. Сумрачный, прокопченный нью-йоркскими дымами, дремлет под своей повелевающей медной крышей домина по имени «Дакота». Ненавистное теперь многим имя.

Как и тогда, шесть лет назад, с черной чулунной ограды кричат немилые искаженными ртами лики каких-то греческих старцев. Предупреждают об опасности? Не предупредили.

Вхожу в полумрак центральной арки. Из дальнего угла оглядываюсь на сияющий полукруглый проем глазами того, в куртке с оттопыренными карманами.

Он не должен был видеть лиц мужчин и женщины, шагавших сюда с улицы в тот понедельник, 8 декабря, без десяти одиннадцать вечера. Просто два силуэта на фоне ночных отблесков неона.

— Мистер Леннон?

Силует, что повыше, замер, напряженно качнулся в сторону голоса, как это делают сильно близорукие люди.

Пять выстрелов. Ранн в шею и плече.

Когда швейцар выбежал на грохот, убийца читал «Над пропастью во ржи» под уличным фонарем.

— Знаете, что вы творили?!

Ответ вошел во все хрестоматии рок-н-ролла и криминалистики:

— Я только что застрелил Джона Леннона...

Мари Дэвид Чепмен, тот парень с томином Сэлинджера, ошибался. Точнее, скромничал. В теплый нью-йоркский вечер 1980 года у «Дакоты» была убита целая эпоха в западной поп-музыке, расстреляна душа, талант и движущая энергия «Битлз», пожалуй, самой популярной рок-группы XX века.

Джон Леннон был всем этим. И — что важнее — не только.

Поднимаюсь по ступенькам подъезда — словно перешагиваю через лежащее тело. Бородатого швейцара, ко-

торый говорил с убийцей, а потом укладывал смертельно раненного в полицейскую машину, сегодня нет, дежурят другие. Обо мне докладывают по домашней связи, просят подождать. Со времен трагедии в «Дакоте» введен суровый режим безопасности. Без сопровождения кого-нибудь из жильцов в дом не пускают.

Лифт со скамеечкой поднимает нас куда-то под крышу.

Щелчок дверного замка — и мою руку пожимает холодная узкая ладонь:

— Йоко Оно.

На первое интервью советскому журналисту согласилась та, кого журнал «Ньюсуик» с ироничной точностью назвал недавно «одной из самых знаменитых вдов планеты». Еженедельник намекает, будто известность японской художницы-авангардистки и музыканта Йоко Оно осталась в прошлом. Будто ее имя держится только на ассоциации с тем, кого уже нет. Не человек, мол, — ходячий траур по Леннону.

Не прав «Ньюсуик»! Иначе в магазинах грампластинок не расхватавали бы диск с портретом Оно на обложке и бунтарским по нынешним американским временам названием «Звездный мир». Президент США только что отмахнулся от грандиозных достижений Рейкьявика из-за своей одержимости идеей «звездных войн». А тут рок-знаменитость вдруг обрушивается на Америку песни о чем-то совершенно противоположном, крамольном.

Это уже не рок-н-ролл, а рок-н-мир.

ВЕЧНЫЙ СВЕРСТНИК

Маленькая хрупкая женщина в черном, неслышно скользя по ковру босыми ногами, ведет меня в гостиную. Здесь, среди снежного раздолья белого ковра, белых стен и белой мебели провел свои последние годы, метался и искал сам себя и творил свою музыку Джон Леннон. Вот он, ливерпульский менестрель, смотрит со стены, с гигантского портрета, выполненного в прожитой «психоделической» гамме желтого и пурпурного.

Комната собралась по кусочку от всей планеты. Стекланный саркофаг с египетской мумией у стены. Японский карликовый сад — под журнальным столиком. И окно, в которое рвется Централ-парк с его многоголосым карусельным шарманкой, с цоканьем лошадиных копыт.

Йоко Оно устраивается на диване, по-восточному скрестив ноги. Неодобрав к ней пресса не устает повторять на каждом углу, что «самой знаменитой вдове» 52 года. Но смуглое, вагачное лицо, кажется мне, не изменилось с тех пор, как впервые замелькало в конце 60-х на журнальных разворотах, на боках лондонских и нью-йоркских автобусов.

Может быть, потому, что я слишком долго готовился к этому интервью и, как бывает с музыкантами, чересчур

«заиграл» его, вдруг неловко оступаясь в запретное, незажившее:

— Знаете, Йоко, я шел в ваш дом, шагая по асфальту, на который пролилась кровь Джона...

— Это место видно из окна, — прерывает она меня. — Нет, не то, где убили Джона, а «Земляничные поля». Место в Централ-парке, которое я назвала в память о его песне, о нем...

Мы подходим к окну и слушаем шелест платанов, дубов, русской березы. Похоже, Йоко меньше хотела бы говорить о прошлом, больше — о будущем. О днях, когда подрастут саженцы деревьев, присланные из ста двадцати трех стран для «Земляничных полей». В том числе — из Советского Союза.

Прежде чем стать идиллической балладой «Битлз» о снах, бездумной стране, «Земляничные поля» были названием сиротского дома на той улице в Ливерпуле, где родился Леннон. Бросил семью отец, в автомобильной катастрофе погибла мать. Не причуды ради, нищете в угоду Джон спал в гробу, найденном на свалке. Призраком сиротства витал над парнем в старинных круглых очках, даже когда он обрел королевскую свиту.

Я делюсь с Йоко своими странными мыслями. Живы не только песни Леннона, его законсервированный голос, его жажда согреть, очеловечить человека. Чудится, пуля не убила и самого Джона. К вечному сверстнику тянутся все новые поколения юных. И, откликаясь на этот интерес, множится, пухнет книжная леннониада. Кто он, какой он, этот бард из Ливерпуля?

«Твердый орешек с мягкой начинкой», — рассуждает один биограф. «Скопиде горечи и нежности», — уверяет другой. Идут годы, жухнут и вновь зеленеют земляничные поля, но критика не устает от своих попыток загнать духовный мир Леннона в некую формулу.

— А каким помнится Джон вам, Йоко?

— Он был очень сложен, многолик, что ли... Его нельзя определить одним словом. Нет, пожалуй, я могу найти такое слово. Честность. Олицетворение честности. К другим и к себе. Была ли у Джона своя формула, свое обращение к людям? Думаю, была: мдр и любовь...

Я интересуюсь ее мнением о биографической телевизионной драме «Джон и Йоко», премьера которой прошла в те дни в Штатах.

— Помните, там есть такая сцена: вы с Джоном смотрите на телевизор, где кричит, лют кровь вьетнамская война. А актриса, изображающая вас, восклицает что-то в таком роде: «Что же мы будем делать, Джон? Ведь молодежь смотрит на тебя. Что ты надумал, чего хочешь?» А актер в парике и очках «под Леннона» отвечает строчкой знаменитой песни: «Я хочу подержать тебя за руку...». Был ли Джон действительно так замкнут тогда в своем мире, так далек от того, что творилось в Америке?

Йоко дотрагивается до стакана с содовой. Слышно, как кусочек льда бьется о стекло.

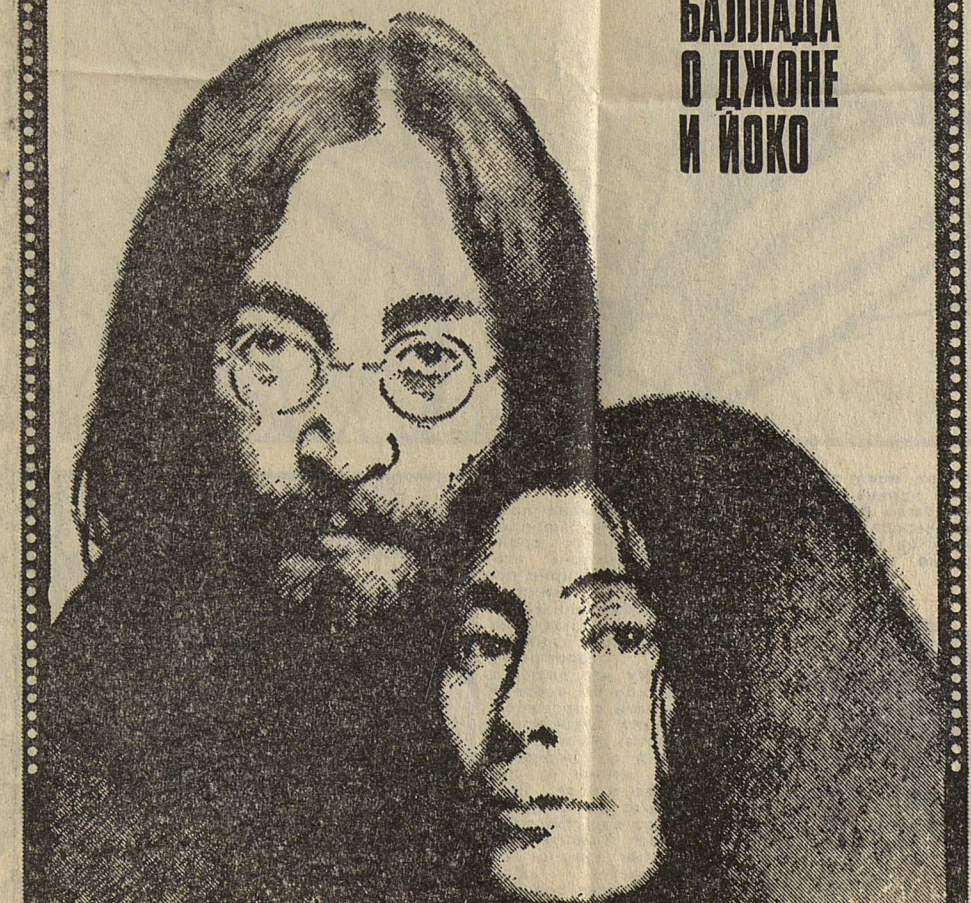
Нет, она не считает, что Джон витал со своей гитарой в каком-то отрешенном от большой жизни, дезинфицированном пространстве. Нет, он всегда разбирался в происходящем.

Четверть века назад, когда «Лук» писал о кумирах времени (Элизабет Тейлор, Ширли Маклейн, Мэрилин Монро и т. д.), на его страницах не проскользнуло даже малой догадки ни о том, какую феноменальную популярность приобретут вскоре «звезды» рок-музыки и она сама, ни тем более о том, какие эволюции последуют в политической окраске этого движения.

Владимир СИМОНОВ

Рок-н-мир

БАЛЛАДА
О ДЖОНЕ
И ЙОКО

Жизненная позиция Джона — в его песнях. Вспомните рок, посвященный мятежу узников тюрьмы в городе Атика. Вспомните балладу в защиту коммунистки Анджелы Дэвис...

— Джону претило несправедливое судилище над Анджелой, — объясняет Йоко. — Но он, наверное, чувствовал бы то же самое, будь она не коммунисткой, а, скажем, буддисткой. Думаю, мировоззрение Джона было не столько политизированным, сколько общечеловеческим, гуманитарным. Человек, пострадавший в борьбе за любую благородную идею, был достоин его сострадания...

Йоко говорит, а я пытаюсь разобраться в странном впечатлении, которое производит на меня эта миниатюрная фигурка, сжавшаяся в углу дивана. Она будто излучает явно ощутимую напряженность. Даже ее паузы — и те заставляют тебя вслушиваться, ловить сигналы, несомые неведомой энергией. Пожалуй, не в такую уж гиперболу впал один репортер, когда заметил: «Эта смесь здравого смысла и целеустремленности вырывается за рамки характера в область чего-то потустороннего...»

— Джон вышел из рабочей семьи. И он хорошо знал, какие страдания выпадают на долю рабочего класса в нашем обществе, — размышляет Йоко. — Вначале «Битлз» были просто четверкой простаков из портовой слободы. Им полагалось бы стыдиться своего простонародного ливерпульского говора. Вот почему взлет Джона в ряд серьезных музыкантов с мировым именем стал, по моему, его важным политическим достижением. Пошатнулся барьер неполноценности, окружающий простых ливерпульцев. Да и вообще людей труда. Тех, кто не говорит по-английски с королевским прононсом. И Джон отдавал себе отчет в этом. Другое дело, что до конца шестидесятых он публично не обнажал своих политических взглядов...

«До конца шестидесятых...» Серьезные биографы находят другую точку отсчета.

До встречи с ней, Йоко Оно.

ПРОБУЖДЕНИЕ ГУЛЛИВЕРА

Они познакомились в 1966 году на ее лондонской выставке, интригующе озаглавленной «Незаконченные картины и предметы». Это были дни, когда после десятилетия совместного триумфа что-то, казалось, лопнуло в музыкальном феномене, именуемом «Битлз». Лондонские радиостанции еще объявляли время «по Битлз», а не по Гринвичу. Американский финансовый оракул «Уолл-стрит джорнэл» еще сулил ансамблю ежегодный доход в 50 миллионов долларов. Но томительное предчувствие некоего рубежа, если не конца уже, преследовало четверку. «Словно в будущем — какая-то черная дыра», — жаловался Леннон.

Спасаясь от этих настроений, он и забрел в один прекрасный вечер в худо-

ественную галерею взглянуть на «неоконченные картины и предметы».

Картин, к его удивлению, не было, зато орошо обстояло дело с предметами. На постаменте красовалось настоящее яблоко с ценной на этикетке «200 фунтов стерлингов». Плодом художественного воображения предлагалось также считать стреланку с установленной на ней подзорной трубой, нацеленной в потолок. Ценитель прекрасного мог рассмотреть надпись, выцарапанную на штукатуре, — «Да». Менее грамотным посетителям галереи предоставлялось право вбить гвоздь в специально вывешенную для этого доску.

Как и сотни начинающих западных художников, Йоко Оно страстно пыталась выделиться, удержаться на плаву в разливном море модернизма. Но Леннон увидел в замкнутой женщине в черном, который была старше его на 6 лет, еще кое-что: ускользающую от него самого в ту пору раскованность духа, затухавший в нем самый огонь протеста.

Джон попросил разрешения у автора зайти в галерею.

Критики потом писали, что это был гвоздь в гроб «Битлз».

И начало баллады о Джоне и Йоко, которую не оборвал даже выстрел.

Они стали неразлучны. Когда загадочная японка болела, Леннон требовал, чтобы ей ставили кровать в студии, где он записывался. На граффитином рынке один за другим появлялись альбомы их композиций, в музыкальном отношении неровных, с элементами эпатажа. Рок-пресса и поклонники «Битлз» возненавидели Йоко Оно, этот «новый Пёрл-Харбор». С их точки зрения, она «взорвала» единство ливерпульской четверки, «разрушила» ансамбль.

А что думает об этом сама Йоко? Берет грех на душу или нет?

— Не беру, — жестко отвечает моя собеседница. — Не думаю, что все обстояло именно так. К тому времени «Битлз» подошли к такой грани, за которой всем четверым виделась независимость друг от друга. Каждый из них, будь то Джон, Пол, Джордж или Ринго, стремился к творчеству индивидуальному. И, на мой взгляд, это было естественное, очень здоровое желание. Даже не появившись, так сказать, в кадре, они бы все равно разошлись. А если бы не разошлись — возникло бы очень нездоровое положение. Джон давно готовил себя к разрыву, но никак не мог решиться на последний шаг. Быть может, с моим приходом этот шаг дался ему чуть-чуть легче. Но он сам его сделал.

Чтобы развеять осадок от деликатной темы, спрашиваю, какие песни Леннона ей больше всего по душе. Йоко называет «Вообрази», «Герой рабочего класса» и еще одну — «Бог».

— Там отрицается всякое закабаление человеческого духа. Прекрасная песня...

Это разные песни. Разные полюса ленноновского дарования. Нежная, хрустальная баллада «Вообрази» — о щемящей тоске Джона по идиллическому миру, где

...Некого убивать, не за что умирать, и никаких религий.

Вообрази: все люди живут в мире.

В «Герое рабочего класса», кажется,

ся, скрежещут портовые краны Ливерпуля, слышится прерывистое дыхание надорвавшегося, выжатого до последней капли пота докера:

Как только ты родился,
Из тебя делают пешку,
Отбирают все,
Оставляют одну пешку...

С каким бы сладострастием ни кляла массовая западная рок-пресса «разлучницу» «Битлз», правду не скрывать: хронологически короткий, но творчески значительный путь от утопического созерцания к социальной трезости Джон Леннон прошел вместе с ней, Йоко Оно.

Я даже думаю — за ней.

Питер Браун и Стивен Гейнс, честные и вдумчивые биографы ансамбля, пишут в своей книге «Любовь, которую ты творишь»: «Она (Йоко Оно. — В. С.) раскрыла перед Джоном больше возможностей в его жизни, чем «Битлз» — за восемь лет. Она вернула энергию его мятежной натуре, пробудила в нем тщеславие серьезного художника... Она утвердила Джона в мысли, что его положение поп-звезды — одна пустота...»

Идол растерял свою свиту угодников, стремившихся спеленать его какашками, как уснувшего Гулливера. Взамен он обрел другое — душу гражданина.

26 ноября 1969 года Леннон отправляет королевскому двору почетную медаль магистра Британской империи. И с ней записку: «Ваше величество, я возвращаю этот орден МБН в знак протеста против вмешательства Британии в события в Нигерии-Биафре и против нашей поддержки Америки во Вьетнаме...»

В Амстердаме, а потом в Торонто Йоко и Джон устраивают знаменитые «демонстрации за мир в постели». Сидя на кровати в пижамах, они дают за десять дней около шестидесяти интервью крупнейшим газетным и телевизионным концернам. Осуждают милитаризм, требуют мира.

Рекламный скандал или политический протест?

Общественные оценки начинают склоняться к последнему, когда демонстрантов посещают видные радиоканалы, в том числе поэт Алан Гинзберг и карикатурист Ол Кэпп. Здесь, на этой самой гостиничной кровати, Джон записывает на портативный магнитофон песню «Дайте миру шанс» — ту, что до сих пор остается рок-гимном мирного движения по обе стороны Атлантики. Вот тебе и «сексуальная оргия напоя», которую предвещала «желтая» пресса.

— Будь я моралистом, — говорю, — я бы строго спросил вас, Йоко: разве «демонстрация в постели» — подобающий способ поддерживать такое большое и благородное дело, как борьба за мир?

— Ну, видите ли... Это первое, что мы с Джоном предприняли, когда поженились. Шел наш медовый месяц... И знаете, нам миллион раз задавали вопрос: «Да разве так можно?!» Но если мир запомнил наш необычный протест против войны, похоже, наша с Джоном идея оказалась действенной...

— Похоже. Причем настолько, что

Федеральное бюро расследований зашло на Джона секретное досье весом 26 фунтов (12 кг. — Ред.).

— Двадцать шесть фунтов чего?

— Двадцать шесть фунтов доносов, рапортов о слежке. Этаким комбу-мажной грязи. Один профессор затребовал досье у ФБР — и на весы.

— Неужели такая тяжесть?! — Моя собеседница искренне потрясена. — Почему-то мне не встречалась эта цифра. Уверена, у них есть досье и на меня. Конечно, есть. Джон знал, что они шпионят за нами. Мы оба знали. Вряд ли что-либо считается у нас более предосудительным, чем защита мира...

В августе 1971-го Леннону выдали шестимесячную визу на въезд в США. В Вашингтоне наивно полагали, что впустили безобидного эксцентрика, существа из ревущего мира цветных мигалок и падающих в обморок поклонниц. Нет, Америка открыла дверь яростному мятежнику.

«Джон восстал против властей США, — признает биограф. — Казалось, за одну ночь он стал одним из наиболее красноречивых политических активистов в стране, влиятельным бунтарем рок-н-ролла, вызывающим страх...»

Участие в массовом протесте в защиту гражданских прав индейцев... Бенефис в гарлемском театре «Аполлон» в пользу тюремных узников. Статьи для подпольного журнала «Сандэнс»... Песня «Власть — народу», пролетарский рок... Уже этих грехов хватило бы, чтобы ФБР записало Леннона в «красные».

Но было еще кое-что. Бунтарь был богат. Журнал «Форчун» оценивал в те дни его состояние в 250 миллионов долларов. Сейчас известно, что Леннон щедро финансировал идеи 3661 Хоффмена и Джерри Рубина, вояков антивоенного движения, членов так называемой «чинагской семерии», осужденной за организацию массовых протестов во время съезда демократической партии в Чикаго в 1968 году.

Теперь Рубин и Хоффмен готовились сорвать съезд республиканцев в Сан-Диего, устроив поблизости грандиозный рок-концерт. Толпа нуждалась в приманке. Ею должен был стать Джон Леннон.

Из негласного меморандума подкомитета по проблемам внутренней безопасности юридического комитета сената США (1972 год): «В результате в саквояжи «новых левых» хлынут колоссальные суммы денег... Если виза Леннону будет аннулирована, это станет стратегической контрмерой».

Сквозь заднее стекло своего лимузина Джон и Йоко видели, как по нью-йоркским улицам за ними петляют мышиные «форды». Скучные молодцы в шляпах и галстуках топтались у их тогдашней обители на Бэнк стрит в Гринвич Виллидж. «Я схожу с ума! — терзал самообладание Джон. — Они подслушивают мои телефонные разговоры! Таскаются всюду по пятам!»

Он проклял филеров ФБР прямо с телевизионного экрана, на всю Амери-

ку. Ему мало кто тогда поверил...

В те же самые дни в Атланте, штат Джорджия, юнец по имени Марк Чэпмен продал свою коллекцию дисков «Битлз», нацепил на шею деревянный крест и стал напевать на знакомый всему миру мотив: «Вообрази, что Джон Леннон мертв»...

АД В РАЮ

— Возвращаясь к сегодняшним временам, хочу спросить вас, Йоко: как вы смотрите на нынешнюю международную обстановку?

Говоря честно, она очень боится за будущее. Это стало уже каким-то естественным чувством. Шестое чувство ядерного страха, понимаете? В то же время ей кажется, что на планете еще есть место для оптимизма. Сегодня люди лучше представляют себе, что нужно делать, чтобы все не сорвалось под откос.

— Как ни печально об этом говорить, — отбрасывает Йоко с лица жесткую прямую прядь, — Чернобыль, например, очень помог всеобщему пробуждению. Это было трагическое событие, но от трагедии — пусть не прозвучат мои слова кощунственно — тоже был прок. Теперь даже американцы из глубинки, из сонных краев, и те поняли: продолжать ядерную гонку нельзя. Только до наших политиков это доходит туговато...

— А Чернобыль... — возвращается она к волнующему. — Наше телевидение освещало его, конечно, несправедливо по отношению к вам, русским. Но в каком-то смысле просчиталось. Комментаторы со вкусом объясняли опасность, таящиеся в ядерной технологии, потому что речь шла о России. Если бы такое случилось у нас, они бы скрыли факты, свели к минимуму последствия. Теперь же они трезво и об угрозе русской технологии, не подозревая, что американцы примеряют эти предупреждения к собственным реакторам и ракетам. О, благословенное запугивание! — от души восклицает Йоко. — Лучше б чернобыльской трагедии не было, но свершившись, беда сблизила нас...

Название ее последнего диска «Звездный мир» показывает, что она по меньшей мере не в восторге от СОИ.

— Да, — кивает моя собеседница. — Это так. Одна проскользнувшая ракета, один проскользнувший террорист — и конец. Космическое оружие не спасет, а погубит Америку. Тем более нет никакого смысла тратить на «звездные войны» миллиарды, когда многие американцы голодают. Вы, русские, тоже испытываете трудности — рубли идут на ракеты. Иногда у меня даже мелькает такая мысль: а не обеднеют ли обе наши страны до того, что перестанут быть самыми сильными в

БАЛЛАДА
О ДЖОНЕ
И ЙОКО

мире? До такой вот степени...

Она записала пластинку «Звездный мир» как раз в дни, когда мистер Горбачев использовал это выражение в своей речи, рассказывает Йоко. И что же? Ее граффити-фирма «Полиграм рекордс» повела себя странно: не стала заниматься рекламой. Более того, не выпустила лучшую песню альбома в виде отдельного диска на 45 оборотов в минуту. А в Америке, если этого не сделать, надежды на коммерческий успех падают. Такое вот решение они приняли.

— Почему?

— Спросите их, почему. Песня называется «Ад в раю». Видимо, сочли, что там слишком много политики...

Йоко Оно горько сетует на пристрастность прессы. Они, рок-певцы, устраивают концерт в защиту политических заключенных, а о нем не особенно то распространяются в американских газетах. Они выходят на мирную демонстрацию в Централ-парк, миллион людей выходит, а пишут — едва вести пятьдесят тысяч...

К счастью, сюда, в Америку, приехала советская рок-группа Стаса Намина, и она, Йоко, рада, что рок-музыка все-таки путешествует между системами. «Встречалась сегодня с советскими музыкантами. Милые люди. А какие профессионалы!»

— Рок-музыка... Ее влияние на молодые умы на Западе, да и на Востоке, порой неизмеримо. Не попытаетесь ли объяснить этот феномен, мисс Оно?

— Рок, по-моему, — это способ общения людей на всепокоряющем, общедоступном эмоциональном уровне. Не на уровне, скажем, каких-то юридических отношений или даже — пусть фыркают снобы — не на особенно, может быть, интеллектуальном уровне. В роке кричит душа многих народов. Я еще раз убедилась в этом, когда выступала летом с концертами в социалистических странах Восточной Европы.

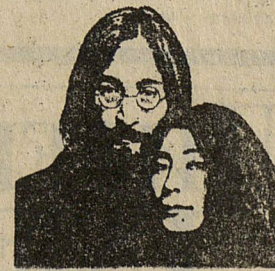
— Время от времени вы выпускаете альбомы с еще неизвестными записями Джона Леннона. «Молоко и мед», кажется, был последним?

— Нет, позднее вышел диск «Джон Леннон в Нью-Йорке», запись нашего последнего публичного концерта в зале «Медисон сквер garden» в 1972 году. Концерт, насыщенный политикой. Четырнадцать лет спустя песни Джона все еще отвечают на то, что происходит вокруг.

— Есть ли еще магнитофонные сокровища в вашем сейфе?

— Может быть, наберется на два долгоиграющих диска. Может быть.

Героиня баллады о Джоне и Йоко не дает ей, балладе, умереть.

Разговор соскальзывает на другого Леннона — Джулиана. В последние месяцы диск-жокеи Запада весьма благосклонны к молодому певцу. Леннон, сын Леннона... Трудное соперничество, предполагаю я. Что думает Йоко о будущем Джулиана?

Никакого соперничества нет, возражает она. Слушатели воспринимают Джулиана не просто как сына идола. Он на редкость талантливый музыкант и старается утвердить собственную индивидуальность. У него своя земля под ногами.

Закат перекрашивает белый рояль в цвет апельсина. Пора выключать магнитофон. Решаюсь на последний, не очень-то легкий для меня вопрос. Не секрет, что в свое время Йоко Оно нашла в себе силы преодолеть пристрастие к наркотикам. На Олимпиаде рок-ролла такой подвиг — редкость. Шприц с дурманом, пилюли свели в могилу таких кумиров рока, как Джими Хендрикс, Дженис Джоуплин, тот же Пресли...

— Наркотики и американская рок-культура? Они нашли друг друга в годы молодежного бунта 60-х, — Йоко говорит медленнее обычного, ее лицо утопает в глубокой тени. — Тогда кое-кто пытался таким способом «освободить» себя от условностей постылого общества. Мы упивались мыслью, будто убиваем свое здоровье, чтобы не убивать детей и женщин во Вьетнаме. Конечно, глупо это было, наивно. А сегодня даже такой «идеологической» мотивировки у наркомании нет. Протесту против ядерной бомбы нужна ясная голова.

— Ваш совет юному поклоннику рока? Тому, кто считает вас, Йоко Оно, хранительницей музыки Джона Леннона, его огня?

— Я скажу ему те же слова, какие услышал от меня мой одиннадцатилетний сын от Джона — Шон: «Не экспериментируй с наркотиками! Они того не стоят!».

...Я вышел из «Дакоты», стараясь обойти стороной тот кусок асфальта, где рок сразил гения рока. До Централ-парка, до «Земляничных полей», было рукой подать.

Там, на площадке, где в мозаичном круге выложено слово «Imagine» — «Вообрази», стояли, как над могилой, парни и девочки с горящими свечами. И магнитофонный голос Йоко выкрикивал, казалось, на всю Америку ту самую песню «Ад в раю»:

Здесь ад, а кущи нарисованы,
Мы все во сне, парализованы,
Мы так запуганы, ни слова мы
Не молвим о мечте...
Пронись, встань, вырвись наружу,
Мускулы натужь,
Возвысь голос, излей душу.
Пришла пора, пора, пора...

НЬЮ-ИОРК — МОСКВА